

– ЯКУТСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ. ИССЛЕДОВАНИЕ ТЮРКСКИХ ЯЗЫКОВ –

DOI: 10.25587/ALTAISTICSVFU.2022.73.78.001

УДК 811.512.157

Н. В. Мальшева

Наименования объектов растительного мира на материале якутского, уйгурского языков и языка древнеуйгурских письменных памятников XI в.

Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова, г. Якутск, Россия

Аннотация. Статья посвящена разработке вопроса в области языковых контактов якутского языка с тюркскими языками, а также истории якутского языка. В статье анализируются в сравнительно-историческом аспекте наименования объектов растительного мира в якутском, уйгурском языках и языке древнеуйгурских письменных памятников XI в. Цель данной статьи – рассмотреть особенности фитонимов и их частей в тюркских языках в сравнении с их пратюркскими формами. Анализу подвергаются 29 основ, зафиксированных в лексическом фонде якутского, уйгурского языков и в языке письменных памятников XI в., извлеченные методом сплошной выборки. Метод описательного анализа, сравнительно-исторический, компонентный, структурный методы были использованы при анализе и обработке эмпирического материала исследования. В фокусе внимания – словообразовательная структура и семантические особенности наименований объектов растительного мира в трех родственных языках в сравнении с пратюркскими формами. В результате проведенного исследования прослеживается тесная взаимосвязь якутского языка с уйгурским языком и языками древнеуйгурских письменных памятников Махмуда Кашгари «Диван Лугат ат-Турк» и «Кутадгу Билиг». Отмечается, что рассмотренные основы в семантическом плане наиболее устойчивы в отношении к их пратюркским формам, чем их фоноструктурное оформление. При этом тематическая группа слов в области травянистых растений демонстрирует тесную связь якутского и уйгурского языков с пратюркским языком, а язык письменных памятников находится в наиболее отдаленной позиции. Это определяется устойчивостью фоноструктурного оформления и семантического значения лексических единиц. Вместе с тем якутский язык занимает особое место в системе рассмотренных тюркских языков по материалам наименований объектов растительного мира: наблюдается функционирование уменьшительного аффикса с утерянным значением – *-ah*, наличие анлаутного и ауслуатного [x] вместо [к] в других тюркских языках, опущение инлаутного [γ] в якутской форме, соответствие [м] в якутском с [б], [п] в других тюркских языках.

Ключевые слова: якутский язык, уйгурский язык, древнеуйгурские письменные памятники XI в., Кутадгу Билиг, Диван Лугат ат-Турк, пратюркская форма, наименования объектов растительного мира, семантическая реконструкция, языковые контакты.

Исследование выполнено в рамках реализации проекта РНФ «Лексика живой природы в якутском языке (растительный мир): лингвогеографическое распределение» (Соглашение № 22-78-00221).

МАЛЫШЕВА Нинель Васильевна – к. филол. н., доцент, Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова.

E-mail: ninel_malysheva@mail.ru

MALYSHEVA Ninel Vasilievna – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, M.K. Ammosov North-Eastern Federal University.

N. V. Malysheva

Names of flora objects based on the material of the Yakut, Uyghur languages and the language of ancient Uyghur written monuments of the 11th century

M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russia

Abstract. The article is devoted to the study of language contacts between the Yakut language and Turkic languages, as well as the history of the Yakut language. The article analyzes the names of flora objects in the Yakut, Uyghur languages and the language of ancient Uyghur written monuments of the 11th century in a comparative historical aspect. The purpose of this article is to consider the features of phytonyms and their parts in the Turkic languages in comparison with their Proto-Turkic forms. The analysis is carried out on 29 bases recorded in the lexical fund of the Yakut, Uighur languages and in the language of written monuments of the 11th century, extracted by the continuous sampling method. The method of descriptive analysis, comparative-historical, component, structural methods were used in the analysis and processing of empirical research material. The focus of attention is on the word-formation structure and semantic features of the names of objects of the plant world in three related languages in comparison with the Proto-Turkic forms. As a result of the conducted research, the close relationship of the Yakut language with the Uighur language and the languages of the ancient Uighur written monuments of Mahmud Kashgari “Divan Lugat at-Turk” and “Kutadgu Bilig” is revealed. It is noted that the considered bases are semantically more stable in relation to their proto-Turkic forms than their phonostructural design. At the same time, the thematic group of words in the field of herbaceous plants demonstrates the close connection of the Yakut and Uighur languages with the Proto-Turkic language, and the language of written monuments is in the most distant position. This is determined by the stability of the phonostructural design and semantic meaning of lexical units. At the same time, the Yakut language occupies a special place in the system of the considered Turkic languages based on the materials of the names of objects of the plant world: there is the functioning of a diminutive affix with a lost meaning – -ah, the presence of anlaut and auslaut [x] instead of [k] in other Turkic languages, the omission of the inlaut [y] in the Yakut form, the correspondence [m] in Yakut with [b], [p] in other Turkic languages.

Keywords: Yakut language, Uighur language, ancient Uighur written monuments of the 11th century, Kutadgu Bilig, Divan Lugat at-Turk, proto-Turkic form, names of flora objects, semantic reconstruction, language contacts.

The study was carried out within the framework of the RNF project “Vocabulary of wildlife in the Yakut language (flora): linguistic and geographical distribution” (Agreement No. 22-78-00221).

Введение

Изучению связей якутского языка с современными тюркскими, монгольскими и тунгусо-маньчжурскими языками посвящено немало научных работ. Рассмотрены историческая фонетика, морфология, лексика якутского языка в сопоставлении с турецким, алтайским, хакасским, тувинским, шорским, монгольским, эвенкийским, бурятским, киргизским и другими языками. Проведен анализ фонетических, структурных, лексических особенностей якутского языка в сравнении с древнетюркскими языками VII и IX вв. Однако не было проведено комплексное сравнение исторической лексики якутского языка с уйгурским и древнеуйгурским языками XI в. Несмотря на то, что об отношении якутского языка к уйгурскому и древнеуйгурскому языкам было высказано немало авторитетных мнений [1-6], данная проблема требует более широких исследований с привлечением дополнительных материалов. В связи с этим ставится проблема комплексного изучения исторического отношения якутского языка к уйгурскому языку и языкам древнеуйгурских письменных памятников XI в. Юсуфа хасс-Хаджиба Баласагунского (далее – Юсуф Баласагунский) «Кутадгу билиг» (1069 г.) [7], Махмуда ал-Кашгари «Диван Лугат ат-Турк» (1073 г.) [8]. Обращение

к научной разработке проблемы обусловлено отсутствием в якутском языкознании сравнительных исследований, систематизирующих отношение якутского языка к уйгурскому языку, а также к языку древнеуйгурских письменных памятников XI в.

Материалом для исследования послужили примеры из следующих лексикографических источников: «Уйгурско-русский словарь» Э. Н. Наджипа (редакция Т. Р. Рахимова) [9], «Уйгурско-русский словарь» Н. А. Баскакова, В. М. Насилова [10], «Этимологический словарь тюркских языков» [11–17], древнеуйгурские письменные памятники Юсуфа Баласагунского «Кутадгу билиг» (редакция и перевод Решита Рахмети Арат) (Стамбул, 1979) [7], Махмуда ал-Кашгари «Диван Лугат ат-Турк» (перевод З.-А. М. Ауэзовой, редакция И. Н. Тасмагамбетова, М. Х. Абусейтовой, С. Г. Кляшторного и др.) (Алматы, 2005) [8].

Методологическую базу исследования составили труды отечественных и зарубежных ученых:

– в области сравнительно-исторической фонетики, лексики и грамматики тюркских языков: О.Н. Бетлингга, Г. Вамбери, В. Томсена, В.В. Радлова, Б.Я. Владимирцова, А.Н. Самойловича, С.Е. Малова, Н.Н. Поппе, М. Стаховского, А.Н. Кононова, Н.А. Баскакова, Э.В. Севортыяна, Б.А. Серебренникова, Э.Р. Тенишева, Г. Дёрфера, Е.И. Убрятовой, К.М. Мусаева, А.М. Щербака, Н.З. Гаджиевой, В.М. Насилова, Дж. Клосона А.Т. Кайдарова, Г.С. Садвакасова, Д.М. Насилова, В.Г. Кондратьева, С. Калужинского, В.И. Рассадина, Б.И. Татаринцева, И.В. Кормушина, А.В. Дыбо, О.А. Мудрака, А.Г. Шайхулова, Н.Н. Широковой, Г.Г. Левина, Л. Кароли и др.;

– в области исторической фонетики, лексики и грамматики якутского языка: Л.Н. Харитоновна, Е.И. Убрятовой, Н.К. Антонова, Н.Д. Дьячковского, Е.И. Коркиной, П.А. Слепцова, М.С. Воронкина, Н.Е. Петрова, С.А. Иванова, Г.Г. Филиппова, Н.Н. Ефремова, Н.И. Даниловой, С.Д. Егиновой, И.Н. Новгородова и др.

Исторические связи якутского языка с уйгурским и языками древнеуйгурских письменных памятников XI в.

По поводу отношения уйгурского и древнеуйгурского языков к якутскому языку одно из первых и интересных мнений было высказано венгерским тюркологом Германом Вамбери в монографии «Uigurische Sprachmonumente und das Kudatku Bilik» [1]. Он рассмотрел лексический состав и фонетические явления в языке древнеуйгурского письменного памятника «Кутадгу билиг» («Благодатное знание») Юсуфа Баласагунского. Тюрколог утверждал, что отдельные элементы в фонетических явлениях языка древнеуйгурского письменного памятника, а также его словесное богатство имеют удивительное родство с языком якутов, живущих на отдаленном севере Азии. Основные выводы ученого стали доказательством факта переселения якутов на льдистую зону ввиду вытеснения их казахами и другими южноалтайскими племенами» [1, с. 10]. По мнению Г. Вамбери, уйгурский язык Восточного Туркестана «отстоит много дальше от древнеуйгурского языка, чем якутский диалект, на котором разговаривают на берегах студеной Лены» [1, с. 12-13]. Г. Вамбери не находит многочисленным количество якутско-уйгурских совпадений, однако, собрав широкий материал по грамматике якутского и уйгурского языков, удачно использовал его для доказательства древних этнических связей якутов скорее с уйгурами, чем с кобальцами, алтайцами и качинцами, при этом он твердо высказал мнение об отделении якутов от тюркских племен Джунгарии еще в доисторические времена [1]. Итак, впервые мысль о близком родственном отношении языка древнеуйгурского письменного памятника «Кутадгу билиг» с языком якутов была сформулирована Германом Вамбери. Над различными рукописями этого памятника после Г. Вамбери работали такие крупнейшие востоковеды-тюркологи, как В. В. Радлов, А. Н. Самойлович, С. Е. Малов, Р. Арат.

Некоторые вопросы исторического изучения фонетики и лексики уйгурского, древнеуйгурского языков затрагивались в работах известного тюрколога С. Е. Малова [18–19]. Его ученица Е. И. Убрятова отметила, что внимание С. Е. Малова давно привлекал вопрос отношения якутского языка к древнеуйгурскому языку в области лексики [3]. В своей статье «Отчет о путешествии к уйгурам и саларам» (ИРКСВА, 1912) он писал, что «язык уйгуров – турецкое наречие, сохранившее много старых черт в некоторых отношениях, в других – далеко ушедшее вперед. Сингармонизм строго не проводится, заметна тенденция «огорталения» нёбных звуков. В лексическом отношении каких-либо новых слов, встречающихся в древних памятниках уйгурской письменности, в ново-уйгурском наречии очень немного. Имена числительные (от 11 до 29) сохранили ту систему, отражающуюся в орхонской и уйгурской письменности, которая не встречается в других живых диалектах» [19, с. 97]. С. Е. Малов, обладая хорошими знаниями восточных источников, ввел в научный оборот ряд историко-этнографических материалов, широко используя родоплеменную этнонимии, предания и рассказы по шаманству, загадки, пословицы, древние уйгурские рукописные тексты для освещения тех или иных вопросов этнической истории уйгуров. Работа С. Е. Малова имеет большую ценность по содержащемуся в нем фактическому материалу, так как в ней представлен обширный исторический и фольклорный материал, собранный во время его путешествий по Китаю в провинциях Синьцзян и Ганьсу в 1909-1911 и 1913-1915 гг. В отличие от первых изданий трудов С. Е. Малова, посвященных истории уйгурского языка, в нее были включены, наряду с фольклорными материалами, обыденные житейские разговоры и торжественные речи, что представляет собой определенное новшество в имеющихся тюркологических публикациях. По словам самого исследователя, большая часть текстов сначала наговаривалась на валики фонографа, а потом с валика была перенесена на бумагу. Этим обуславливалась точность записей, главным образом, в синтаксическом отношении [19].

Труды В. М. Насилова «Древнеуйгурский язык» (1963) [20], «Язык тюркских памятников уйгурского письма XI-XV вв.» (1974) [21] представляют собой материал по фонетике, графике, лексическому составу, синтаксису древнеуйгурского языка. В первой работе В. М. Насилов дает типологический стиль вокализма древнеуйгурского языка, разделяя звуки на заднерядные (а, ы, о, у) и переднерядные (э, и, ө, ү). Ученый ставит под сомнение существование присущего системе тюркского вокализма звук [e], «ибо его графическое выражение в алфавитной группе отсутствует, лишь в письме Брахми различаются знаки для *e* и *э*» [21, с. 8]. В области фонетики В. М. Насилов рассматривает проблему первичных долгот древнеуйгурского языка, считая ее до сих пор нерешенной. В качестве примера приводит лексические параллели **оот** «огонь», **тоон** «одежда», **өөч** «месть», где «в слогах с широким **о**, **ө** встречается двойное буквенное написание этих звуков, по-видимому, характеризующих долготу звука». В некоторых текстах ученый отмечает двойное написание **ы**, **и** в корневом гласном, а двойное написание узких губных **у**, **ү** позволяет предполагать долготу звука вторичного характера, например: **уут** «стыд» < *уут*, **туу** «волосок, «пушок» < *туу*. Что касается основы **сүү**, ученый обнаруживает первичную долготу, предполагаемую в этом же слове в орхоно-енисейских памятниках [21, с. 9]. В области лексики древнеуйгурского языка В. М. Насилов отмечает длительную историческую связь с языком орхонских тюрков [21, с. 12]. Непроизводные основы в памятниках древнеуйгурского языка (в текстах буддийского и манихейского содержания) развиваются путем агглютинации, что определяется закономерностями, сложившимися издревле в алтайских языках. В. М. Насилов выделяет две системы агглютинирующих аффиксов: 1) древние словообразовательные элементы, которые давно стабилизировались как словообразующие аффиксы лексиче-

ских категорий; 2) действующую систему, способную к словообразованию в данной фазе развития языка и расширяющую возможности развития лексических понятий [21, с. 19]. Вторая работа В. М. Насилова интересна тем, что в ней представлен лексический материал из древнеуйгурских письменных памятников «Кутадгу билиг», «Диван Лугат ат-Турк». По мнению В. М. Насилова, произведение Махмуда Кашгари «Диван Лугат ат-Турк» сыграло огромную роль в тюркском языкознании в решении фонетических проблем, касающихся столь отдаленной фазы развития литературного языка, а также помогло установить фонологическое качество отдельных звуков и определить взаимодействие отдельных слогов в фонетических закономерностях. В системе вокализма языка данного памятника В. М. Насилов подчеркивает следующие явления: 1) наличие долгих гласных; 2) наличие аналогичной древним памятникам гармонии гласных; 3) спорный вопрос о наличии закрытой фонемы *e*; 4) гармонизацию слога с негубным гласным под влиянием губного гласного в предыдущем слоге; 5) огубление гласного последующего слога при наличии губного согласного предшествующего слога [21, с. 14-20].

Большое значение при разработке данного исследования имеют научные взгляды Е. И. Убрятовой. Она высказала предположение, что язык древних уйгуров Уйгурского каганата был похож на уйгурский язык письменных текстов, так как следы языка присутствуют в тюркских языках Южной Сибири «в немногочисленных, но очень специфичных явлениях, который можно отнести к грамматическому строю древнего уйгурского языка» [22, с. 26]. В статье «Следы древних тюркского, уйгурского и киргизского языков в современных языках Сибири» Е. И. Убрятова утверждает, что язык древних уйгуров Уйгурского каганата в основе своей огузский (причастия на *-мыш*, *-дук* и др.) с некоторыми своими особенностями (широкое развитие имело причастие на *-бу* и его производные и некоторые другие черты) [23, с. 61]. Следы уйгурского языка в тюркских языках южной Сибири прослеживаются в специфичных явлениях, которые Е. И. Убрятова относит к грамматическому строю древнего уйгурского каганата. Она рассмотрела древнеуйгурские глагольные формы в тюркских языках Сибири и пришла к выводу, что древнеуйгурские формы *-бу дег* и *-йук* лучше сохранились в тофском и тувинском языках. Таким образом, уйгурские элементы в сибирских языках идут через тувинский и тофский, а затем хакасский на север к чулымским тюркам и сибирским татарам. «По мере продвижения на запад эти черты постепенно видоизменяются и исчезают, а киргизские элементы входят через алтайский и распространяются далее на восток и на север» [23, с. 9].

Наибольший вклад в изучение отношения якутского языка к древнеуйгурскому и уйгурскому языкам внесла Н. Н. Широкова в работе «Отношение якутского языка к тюркским языкам Сибири» [24]. Данная работа является исследованием якутского языка в сравнительно-сопоставительном аспекте с некоторыми современными тюркскими языками, в котором представлены серьезные и обоснованные рассуждения по вопросам исторического развития якутского языка. На наш взгляд, интересным является предположение Н. Н. Широковой о древнетюркской орхонской системе, являющейся базовой для якутского языка, а также о том, что древнеуйгурские компоненты занимают достаточно важное системное место в якутском языке: «В якутском древнеуйгурские формы сосуществуют с древнеорхонскими, являясь системообразующими (например, в поле будущего времени), можно интерпретировать двояко: либо эти два компонента имели примерно равный удельный вес при формировании скрещенного якутского языка, либо в формировании якутского языка принял участие тюркский язык, совмещавший черты, дифференцировавшиеся позднее в рамках древнетюркского и древнеуйгурского языков» [24, с. 242]. Кроме того,

Н. Н. Широбокова заметила, что якутский язык унаследовал собственно уйгурскую форму на *-гу*, которая стала ядерной в поле будущего времени [24, с. 246].

Отдельные вопросы отношения якутского языка к древнеуйгурскому языку рассматриваются в научной статье Г. Г. Левина «Отношение якутского языка к языку восточно-туркестанских рунических памятников». В этой работе рассматривается историческая связь якутского языка с древнеуйгурским языком, подвергаются анализу фоноструктурные и семантические особенности якутско-древнеуйгурских лексических репрезентаций. Как предполагает исследователь, тесная связь между древними уйгурами и якутами выявляется в близости обычаев и обрядов. Ссылаясь на работу Е. С. Малова, он отмечает что, «у сары уйгуров, связанных с древними уйгурами, селенгинской группой токуз-огузов» имеется обычай, где «молодые парни принимали участие в молении и подпевали шаману. Этот древнеуйгурский обычай хорошо сохранился у хакасов и якутов: позади шамана становилось 9 непорочных парней и столько же девиц – *битииһумтэр* «плясунов». Они принимали участие в обряде *төрүт онгорторор* (о ниспослании приплода) [25, с. 37]. Г. Г. Левин рассмотрел письменные памятники из Восточного Туркестана, написанные руническими буквами, в частности, тексты «ЫрхБитиг» («Гадательная книга»), фрагменты рукописных документов из Тойока, Дуньхуана, Турфана и сопоставил язык этих памятников с современным якутским языком. По его мнению, язык этих памятников является орхоно-уйгурским (древнеуйгурским). Сравнительный анализ фонетических, структурных и лексико-семантических особенностей лексических репрезентаций показал тесную взаимосвязь между якутским и древнеуйгурским языками.

В монографии Г. Г. Филиппова «Причастия якутского языка: комплексное типологическое функционально-семантическое исследование» (Якутск, 2014 г.) [26] рассмотрен вопрос отношения якутских причастий к причастиям других тюркских языков, в том числе уйгурского и древнеуйгурского языков. В данной работе Г. Г. Филиппов, рассмотрев и сопоставив аффикс причастия **-ыах** якутского языка с другими функциональными формами глаголов тюркских языков, подтверждает научные взгляды Е. И. Убрятовой о связи якутского языка с древнеуйгурским на основе уже доказанных соответствий форм на **-гу/-ыа**; **-гула/-ыалаа**; **-гу кэл/-ыа кэл**; **-гу кэрэк/-ыа кэрэх**; **-чы/-сы**, также наличие элемента на **-чык** в формах на **-ааччык**, **-аайык**, **-ыыһык** якутского языка, который сопоставляется с формой на **-йык** древнеуйгурского языка [26, с. 116-117]. Как утверждает Г. Г. Филиппов, Е. И. Убрятова предполагает отношения предков якутов и древних уйгуров ограниченными и указывает на то, что в якутский древнеуйгурский язык попал через тюркские языки Южной Сибири. Он считает, что уйгурский язык занимает важное место в якутском языке, личные формы глагола имеют близкое родство с уйгурскими языками [26, с. 117].

Таким образом, Гипотеза близкого родства языка древнеуйгурского письменного памятника Юсуфа Баласагунского «Кутадгу билиг» к якутскому языку восходит к XIX в. Данное доказательство впервые было предложено венгерским тюркологом Германом Вамбери, который рассмотрел лексический состав и фонетические явления в языке древнеуйгурского письменного памятника «Благодатное знание». Тюрколог утверждал, что отдельные элементы в фонетических явлениях языка древнеуйгурского письменного памятника, а также его словесное богатство имеют удивительное родство с языком якутов, живущих на отдаленном севере Азии. Его научное предположение о том, что уйгурский язык Восточного Туркестана «отстоит много дальше от древнеуйгурского языка, чем якутский диалект, на котором разговаривают на берегах студеной Лены» и по сей день заставляет задуматься многих востоковедов. Его гипотезу поддержал Г.Г. Левин, рассмотрев письменные

памятники из Восточного Туркестана «Брх Битиг» и фрагменты рукописных документов из Тойока, Дуньхуана, Турфана. Однако ряд исследователей до сих пор считают исследование Г. Вамбери относительно памятника «Кутадгу билиг» неточным. Сомнения при этом у них вызывает недостаточно точный перевод и расшифровка некоторого языкового материала памятника. Несмотря на это, древнеуйгурский и уйгурский языки стали объектом исследования многих ученых, в результате чего значительно увеличилось количество научных гипотез в области лексики и фонетики, получен ряд важных и интересных результатов в исследованиях по сравнительной морфологии и синтаксису древнеуйгурского и уйгурского языков (В.В. Радлов, С.Е. Малов, А.Т. Кайдаров, Г.С. Садвакасов, В.М. Насилов, Э.Р.Тенишев и другие). Вопрос отношения уйгурского и древнеуйгурского языков к якутскому языку был также поставлен Е.И. Убрятовой, Н.Н. Ширококовой, А.Н. Самойловичем, Г.Г. Филипповым, Г.Г. Левиным и другими учеными.

Сравнение с пратюркскими формами

Издrevле природа и человек существуют в тесной взаимосвязи друг с другом. Природа является неотъемлемой частью жизни человека, оказывающей непосредственное влияние на нее. Так, представление человека об окружающем его мире, и в частности о природе, формируют глубинную основу системы его ценностей [27, с. 11], находящей непосредственное отражение в языке народа. Названия растений представляют собой особый пласт лексики как в якутском, так и в других тюркских и древнетюркских языках.

Общие слова: 1) як. *silis* 'корень растения' // уйг. *žiltiz* 'корень, пускать корни' [УРС, 1968: 491], др.уйг. *jildiz* 'корень дерева' [МК, ДЛТ, 2005: 772]; CVCVCCVC: 1) як. *säbirdäq* 'лист, листок' [БТСЯЯ, 2012, Т.IX: 535] // уйг. *jopurmak* 'лист, листок, листва' [УРС, 1968: 787], др.уйг. *jaburgak* 'лист дерева' [МК, ДЛТ, 2005, 780]. Пратюркской формой, обозначающей наименование корня растения является основа **jyltyz* [СИГТЯЛ, 1090]. Неассимилированная группа *-lt* в середине слов древнее, чем *-ld*, а йотированная форма основы определяется первично сравнительно с нейотированной [СИГТЯЛ, 109]. Следовательно, основа древнеуйгурских письменных памятников в форме *jildiz* 'корень дерева' указывает на более древнюю форму, чем якутская или уйгурская формы. Пратюркская форма наименования листа – **japraq* [СИГТЯЛ, 111], которая имеет наиболее распространенное функционирование среди тюркских языков. Другая пратюркская форма в варианте **jaryraq* зафиксирована в древнеуйгурском, ограничиваясь узким кругом. Предполагается, что производящей основой праформ была основа **jalby* "плоский". Сравнение якутского материала с уйгурским и языками древнеуйгурских письменных памятников приводит к заключению, что якутская форма имеет особенную фоноструктуру, в котором наблюдается соответствие [j] в других тюркских языках на [s] в якутском в начальной позиции.

Травянистые растения: VC: 1) як. *ot* 'трава, сено' // уйг. *ot II* 'трава, сено' [УРС, 1968: 87], др.уйг. *ut* 'растение' [МК, ДЛТ, 2005: 74], *ot* 'трава' [КВ, 1979: 347]; CVCVC: 1) як. *čäčik* 'цветок' // уйг. *čečäk* 'цветок' [УРС, 1968: 403], др.уйг. *gagak* 'цветок, цветы' [МК, ДЛТ, 2005: 368], *čiček* 'цветы' [КВ III, 1979: 131]. В якутском и уйгурском языках наблюдается устойчивое функционирование пратюркской формы, обозначающей наименование травы, в форме **ot*. В сравнении с формой, зафиксированной в языке древнеуйгурских письменных памятников "Кутадгу Билиг" и "Диван Лугат ат тюрк", якутский и уйгурский варианты имеют устойчивое семантическое значение: в якутском и уйгурском основа обозначает траву, в языке письменных памятников – растение. Пратюркская форма для понятия "цветок" является **čeček*, по своей фоноструктуре близка к якутской и уйгурской формам, по сравнению с языком письменных памятников. Значение основ во всех трех языках имеет устойчивое функционирование.

Кустарники: CVC: як. **talaq** ‘кустарная ива, ивняк’ // уйг. **tal** ‘ива, тальник; верба; узколистный тополь; ситуха; кусок, ломоть; селезенка, точь в точь’ [УРС, 1968, 281], др.уйг. **tāl** ‘нежная, гибкая ветвь’ [МК, ДЛТ, 2005: 856], **tal** ‘1. сук, ветвь; 2. перен. ответвление, ветвь, отрасль’ [КВ III, 1979: 419]; **CVCVCCV:** 1) як. **tamīlxa** ‘таволга’ // уйг. **tevilga** ‘бот. таволга’ [УРС, 1968: 347], др.уйг. **tavilguz** ‘таволга’ [МК, ДЛТ, 2005: 451]. Форма ***tal** в тюркских языках имеет устойчивое семантическое значение – обозначает наименование ивы. Уйгурская форма ивы и форма, представленная в языках письменных памятников, соответствуют пратюркской форме – ***tal**. Якутская же форма имеет конечный уменьшительный аффикс с утерянным значением – *-ah*. При этом следует отметить, что в уйгурском языке наблюдается дальнейшее развитие семантики слова от ивы до узколистого тополя. Таволга номинирована в якутском языке формой *tamīlxa*, а пратюркская форма – *tabylxu*.

Деревья: CVCVC: 1) як. **ias** ‘сера, древесная смола (употреб. для жевания)’ // уйг. **javač I** ‘дерево’ [УРС, 1968: 774], др.уйг. **jigaz** ‘дерево’ [МК, ДЛТ, 2005: 760], **jigač** ‘дерево’ [КВ III, 1979: 538]; 2) як. **tiräq** ‘тополь’ // уйг. **teräk** ‘тополь’ [УРС, 1968: 343], др.уйг. **tirak** ‘тополь’ [МК, ДЛТ, 2005: 388]; 3) як. **mutuk** ‘ветка’ // уйг. **putak** ‘ветвь, ветка, сук’ [УРС, 1968: 256], др.уйг. **butaq** ‘ветвь, ответвление чего-либо’, **butak** ‘ветвь’ [МК, ДЛТ, 2005: 357], **butik** ‘ветвь’ [КВ III, 1979: 118]; **CVCVCVC:** 1) як. **qarija** ‘ель’ // уйг. **karivaj** ‘сосна, ель’ [УРС, 1968: 582], др.уйг. **qapāqān** ‘вид дерева, растущего в горах’ [МК, ДЛТ, 2005: 419]. Основное значение архетипа **yuač* – дерево как растение и дерево как материал. Согласно ЭСТЯ, пратюркская форма **yuač* есть продукт именного словообразования: **у* «растение, кустарник» + афф. *-yač* в увеличительном значении [ЭСТЯ, I, 172]. В якутском же языке данная форма обозначает понятие серы и древесной смолы, т. е. является частью того, что обозначается в уйгурском языке и языке письменных памятников. По форме также представлено несколько иным варинатом – **ias**. Пратюркская форма тополя представлена в варианте **terek*. В тюркских языках лексические параллели тополя обозначают такие понятия, как: а) тополь; б) черный тополь; в) растущее дерево; г) столб, опора; д) осина; е) одинокое дерево на берегу р. Хурзук, которому поклонялись карачаевцы в период язычества и даже после принятия мусульманства. В рассматриваемых нами языках наблюдается устойчивое сохранение семантического значения пратюркской формы – обозначение понятия «тополь». Уйгурская форма и форма, зафиксированная в древнеуйгурских письменных памятниках, имеет близкое сходство с пратюркской формой, которая оформлена, как **bu:taq*. При этом значение основы в современном уйгурском языке имеет наиболее широкое понятие. Другими словами, предполагается семантический переход «ветвь» > «сук». Пратюркская форма **qarayaj* обозначает наименование сосны, что соответствует уйгурскому варианту. В якутском же языке лексическая параллель в форме *qarija* употребляется при обозначении ели. В языке древнеуйгурских письменных памятников не до конца ясно, какое конкретное дерево именуется формой **qapāqān**, т. к. обозначается название дерева, растущего в горах.

Заключение

Таким образом, прослеживается тесная взаимосвязь якутского языка с уйгурским языком и языками древнеуйгурских письменных памятников Махмуда Кашгари «Диван Лугат ат-Турк» и «Кутадгу Билиг». Отмечается, что рассмотренные основы в семантическом плане наиболее устойчивы в отношении к их пратюркским формам, чем их фоноструктурное оформление. При этом тематическая группа слов в области травянистых растений демонстрирует тесную связь якутского и уйгурского языков с пратюркским языком, а язык письменных памятников находится в наиболее отдаленной позиции. Вместе с тем якутский язык занимает особое место в системе рассмотренных тюркских языков по материалам

наименований объектов растительного мира: наблюдается функционирование уменьшительного аффикса с утерянным значением – *-ah*, наличие анлаутного и ауслуатного [x] вместо [к] в других тюркских языках, опущение инлаутного [γ] в якутской форме, соответствие [м] в якутском с [б], [п] в других тюркских языках.

Литература

1. Vambery, H. Uigurische Sprachmonumente und das Kudatku Bilik / H. Vambery. – Innsbruck : Wagner, 1870. IV, 258 p.
2. Насилов, Д. М. Конструкция –*a туур* в древнейгурусском языке / Д. М. Насилов // Сибирский тюркологический сборник. – Новосибирск, 1976. – С. 42-48.
3. Убрятова, Е. И. Следы древних тюркского, уйгурского и киргизского языков в современных тюркских языках Сибири / Е. И. Убрятова // Историческая грамматика якутского языка. – Якутск : Изд-во Якутского госуниверситета, 1985. – С. 22-32.
4. Широбокова, Н. Н. Отношение якутского языка к тюркским языкам Южной Сибири / Н. Н. Широбокова. – Новосибирск : Наука, 2005. – 268 с.
5. Филиппов, Г. Г. Причастия якутского языка : комплексное типологическое функционально-семантическое исследование. Монография / Г. Г. Филиппов. – Якутск : Издательский дом СВФУ, 2014. – 606 с.
6. Левин, Г. Г. Историческое отношение якутского языка с древнетюркскими языками VII–IX вв. (в сравнительно-сопоставительном аспекте с восточно-тюркскими и монгольскими языками) / Г. Г. Левин. – Якутск : Издательский дом СВФУ, 2013. – 436 с.
7. Юсуф Баласагунский. Кутаду билиг. – Стамбул : Türk Kültürünü Araştırma Enstitüsü, 1979. – 565 с.
8. Махмуд ал-Кашгари. «Диван Лугат ат-Турк». – Алматы : Дайк-Пресс, 2005. – 1288 с.
9. Уйгурско-русский словарь / составитель Э. Н. Наджип. – Москва : Советская энциклопедия, 1968. – 828 с.
10. Уйгурско-русский словарь / составители Н. А. Баскаков, В. М. Насилов. – Москва, 1939.
11. Севортян, Э. В. Этимологический словарь тюркских языков : Общетюркские и межтюркские основы на гласные. – Москва : Наука, 1974. – 768 с.
12. Севортян, Э. В. Этимологический словарь тюркских языков : Общетюркские и межтюркские основы на букву «Б». – Москва : Наука, 1978. – 350 с.
13. Севортян, Э. В. Этимологический словарь тюркских языков : Общетюркские и межтюркские основы на буквы В, Г и Д. – Москва : Наука, 1980. – 395 с.
14. Этимологический словарь тюркских языков : Общетюркские и межтюркские лексические основы на буквы Ж-Ж-Й. – Москва : Наука, 1989. – 293 с.
15. Этимологический словарь тюркских языков : Общетюркские и межтюркские лексические основы на буквы К-Қ. – Москва : Языки русской культуры, 1997. – 368 с.
16. Этимологический словарь тюркских языков : Общетюркские и межтюркские лексические основы на букву Қ. – Москва : Индрик, 2000. – 265 с.
17. Этимологический словарь тюркских языков : Общетюркские и межтюркские лексические основы на буквы Л-М-Н-П-С. – Москва : Восточная литература РАН, 2003. – 446 с.
18. Малов, С. Е. Отчет о путешествии к уйгурам и саларам / С. Е. Малов // ИРКСВА. Серия II, 1912. №1. Апрель. – С. 94-99.
19. Малов, С. Е. Язык желтых уйгуров. Тексты и переводы / С. Е. Малов. – Москва : Наука, 1967. – 219 с.
20. Насилов, В. М. Древнейгурусский язык / В. М. Насилов. – Москва : Изд-во вост.лит., 1963. – 121 с.
21. Насилов, Д. М. Об алтайской языковой общности (к истории проблемы) / Д. М. Насилов // Тюркологический сборник, 1974. – Москва, 1978. – С. 90-108.
22. Убрятова, Е. И. Язык норильских долган / Е. И. Убрятова. – Новосибирск : Наука, 1985. – 200 с.
23. Убрятова, Е. И. Исследования по тюркским языкам : Избранные труды / Е. И. Убрятова. – Новосибирск : РИЦ НГУ, 2011. – 282 с.

24. Широбокова, Н. Н. Отношение якутского языка к тюркским языкам Южной Сибири / Н. Н. Широбокова. – Новосибирск : Наука, 2005. – 268 с.
25. Левин Г.Г. Историческое отношение якутского языка с древнетюркскими языками VII – IX вв. (в сравнительно-сопоставительном аспекте с восточно-тюркскими и монгольскими языками) / Г.Г. Левин. – Якутск: Издательский дом СВФУ, 2013. – 436 с.
26. Филиппов, Г. Г. Причастия якутского языка : комплексное типологическое функционально-семантическое исследование : Монография / Г. Г. Филиппов. – Якутск : Издательский дом СВФУ, 2014. – 606 с.
27. Гумилев Л. Н. От Руси к России / Л. Н. Гумилев. – Москва : Айрис-Пресс, 1992. – 318 с.

References

1. Vambery, H. Uigurische Sprachmonumente und das Kudatku Bilik / H. Vambery. – Innsbruck: Wagner, 1870. IV, 258 p.
2. Nasilov, D. M. Konstrukciya –a turur v drevneujgurskom yazyke / D. M. Nasilov // Sibirskij tyurkologičeskij sbornik. – Novosibirsk, 1976. – S. 42-48.
3. Ubryatova, E. I. Sledy drevnih tyurkskogo, ujugurskogo i kirgizskogo yazykov v sovremennyh tyurkskih yazykah Sibiri / E. I. Ubryatova // Istoricheskaya grammatika yakutskogo yazyka. – YAKUTSK : Izd-vo YAKutskogo gosuniversiteta, 1985. – S. 22-32.
4. SHirobokova, N. N. Otnoshenie yakutskogo yazyka k tyurkskim yazykam YUzhnoj Sibiri / N. N. SHirobokova. – Novosibirsk : Nauka, 2005. – 268 s.
5. Filippov, G. G. Prichastiya yakutskogo yazyka : kompleksnoe tipologicheskoe funkcional'no-semanticheskoe issledovanie. Monografiya / G. G. Filippov. – YAKUTSK : Izdatel'skij dom SVFU, 2014. – 606 s.
6. Levin, G. G. Istoricheskoe otnoshenie yakutskogo yazyka s drevnetyurkskimi yazykami VII–IX vv. (v sravnitel'no-sopostavitel'nom aspekte s vostochno-tyurkskimi i mongol'skimi yazykami) / G. G. Levin. – YAKUTSK : Izdatel'skij dom SVFU, 2013. – 436 s.
7. YUsuf Balasagunskij. Kutadgu bilig. – Stambul : Türk Kültürünü Araştırma Enstitüsü, 1979. – 565 s.
8. Mahmud al-Kashgari. «Divan Lugat at-Turk». – Almaty : Dajk-Press, 2005. – 1288 s.
9. Ujgursko-russkij slovar' / sostavitel' E. N. Nadzhip. – Moskva : Sovetskaya enciklopediya, 1968. – 828 s.
10. Ujgursko-russkij slovar' / sostaviteli N. A. Baskakov, V. M. Nasilov. – Moskva, 1939.
11. Sevortyan, E. V. Etimologičeskij slovar' tyurkskih yazykov : Obshchetyurkskie i mezhtyurkskie osnovy na glasnye. – Moskva : Nauka, 1974. – 768 s.
12. Sevortyan, E. V. Etimologičeskij slovar' tyurkskih yazykov : Obshchetyurkskie i mezhtyurkskie osnovy na bukvy «B». – Moskva : Nauka, 1978. – 350 s.
13. Sevortyan, E. V. Etimologičeskij slovar' tyurkskih yazykov : Obshchetyurkskie i mezhtyurkskie osnovy na bukvy V, G i D. – Moskva : Nauka, 1980. – 395 s.
14. Etimologičeskij slovar' tyurkskih yazykov : Obshchetyurkskie i mezhtyurkskie leksicheskie osnovy na bukvy Ж-ZH-J. – Moskva : Nauka, 1989. – 293 s.
15. Etimologičeskij slovar' tyurkskih yazykov : Obshchetyurkskie i mezhtyurkskie leksicheskie osnovy na bukvy K-Қ. – Moskva : YAzyki russkoj kul'tury, 1997. – 368 s.
16. Etimologičeskij slovar' tyurkskih yazykov : Obshchetyurkskie i mezhtyurkskie leksicheskie osnovy na bukvy Қ. – Moskva : Indrik, 2000. – 265 s.
17. Etimologičeskij slovar' tyurkskih yazykov : Obshchetyurkskie i mezhtyurkskie leksicheskie osnovy na bukvy L-M-N-P-S.– Moskva : Vostochnaya literatura RAN, 2003. – 446 s.
18. Malov, S. E. Otchet o puteshestvii k ujuguram i salaram / S. E. Malov // IRKSVA. Seriya II, 1912. №1. Aprel'. – S. 94-99.
19. Malov, S. E. YAzyk zhelytyh ujugurov. Teksty i perevody / S. E. Malov. – Moskva : Nauka, 1967. – 219 s.
20. Nasilov, V. M. Drevneujgurskij yazyk / V. M. Nasilov. – Moskva : Izd-vo vost.lit., 1963. – 121 s.
21. Nasilov, D. M. Ob altajskoj yazykovoj obshchnosti (k istorii problemy) / D. M. Nasilov // Tyurkologičeskij sbornik, 1974. – Moskva, 1978. – S. 90-108.
22. Ubryatova, E. I. YAzyk noril'skih dolgan / E. I. Ubryatova. – Novosibirsk : Nauka, 1985. – 200 s.

23. Ubryatova, E. I. Issledovaniya po tyurkskim yazykam : Izbrannye trudy / E. I. Ubryatova.– Novosibirsk : RIC NGU, 2011. – 282 s.
24. SHirobokova, N. N. Otnoshenie yakutskogo yazyka k tyurkskim yazykam YUzhnoj Sibiri / N. N. SHirobokova. – Novosibirsk : Nauka, 2005. – 268 s.
25. Levin G.G. The historical relationship of the Yakut language with the ancient Turkic languages of the 7th – 9th centuries. (in a comparative aspect with the Eastern Turkic and Mongolian languages) / G.G. Levin. – Yakutsk: NEFU Publishing House, 2013. – 436 p.
26. Filippov, G. G. Prichastiya yakutskogo yazyka : kompleksnoe tipologicheskoe funkcional'no-semanticheskoe issledovanie : Monografiya / G. G. Filippov. – YAkutsk : Izdatel'skij dom SVFU, 2014. – 606 s.
27. Gumilev L. N. Ot Rusi k Rossii / L. N. Gumilev. – Moskva : Ajris-Press, 1992. – 318 s.

